

«АФРИКАНСКАЯ» ВЕТВЬ ШЕРЕМЕТЕВЫХ

«МЫ БЫЛИ МАРГИНАЛЫ ВСЕХ ОБЩЕСТВ»

Н. Л. КРЫЛОВА

Доктор исторических наук

Ключевые слова: Шереметевы, эмиграция, Марокко

Шереметевы - очень знатный русский род¹. Еще в XVI в. внуки прауродителя будущей графской фамилии, Андрея Шеремета², вошли в Боярскую думу. Шереметевы участвовали в многочисленных сражениях и войнах: с Литвой и крымским ханом, в Ливонской войне, казанских походах. За службу им были жалованы вотчины в Московском, Ярославском, Рязанском, Нижегородском уездах. Бояре, воеводы, наместники, генералы, дипломаты, ученые, музыканты, меценаты - Шереметевы из века в век преданно служили Отечеству, его политике, общественному благополучию, развитию культуры - словом, всем тем благородным деяниям, которыми будут гордиться потомки.

Сегодня в России хорошо известен *Петр Петрович Шереметев*, меценат, киноактер, архитектор, по проектам которого построены здания в Париже, столицах Объединенных Арабских Эмиратов и Саудовской Аравии. Ректор Парижской консерватории имени С.Рахманинова, Петр Петрович с начала нового столетия становится почетным членом Санкт-Петербургского Филармонического общества, а с 2003 г. - председателем президиума Международного Совета российских соотечественников (МСРС), проживающих за рубежом. Вместе с руководителями нашей страны он открывал в 2001 г. конгресс соотечественников в Таврическом дворце Санкт-Петербурга. Однако его общественная деятельность этим не ограничивается. П.П.Шереметев - соучредитель Иваново-Вознесенского кадетского корпуса, носящего имя Бориса Петровича Шереметева, ос-

нователь и президент «Шереметев-центра» в Томске и Иваново-Вознесенске, член Академии художеств РФ, кавалер Ордена «Меценат столетия» (награжден рубиновым крестом), в 2006 г. награжден Знаком Ордена Святого Александра Невского «За труды и Отечество»³.

На красочном полотне блистательных общегосударственных российских и международных военных, дипломатических, научных и художественных заслуг мужской части геральдического древа Шереметевых, скрупулезно описанных и исследованных историками⁴, довольно скромно расположился корпус женщин этого рода или вошедших в него через брак. Однако это, скорее, гендерная оплошность историков, поскольку галерея женских портретов Шереметевых богата по-настоящему яркими и выразительными образами.

Заметной фигурой в семье Шереметевых стала дочь генерал-майора Д.Ф.Лёвшина и Натальи Александровны (урожденной Голенищевой-Кутузовой) *Марина Дмитриевна Лёвшина-Шереметева*. После 1917 г. она вместе с родителями покинула Россию. Несколько лет эмигрантских скитаний по Кавказу, жизнь в Греции, на острове Лемнос⁵, затем во Франции. В конце 1920-х гг., к тому времени графиня, супруга графа Петра Петровича Шереметева, она оказалась в марокканском городе Кенитра (Порт-Лиоте), где уже жила ее старшая сестра - Надежда Дмитриевна (в замужестве Шидловская). После переезда в Рабат в 1938 г. Марина Дмитриевна стала активным членом прихода Воскресенского храма в Рабате, пела в церковном хоре, в те-

чение десятилетий председательствовала в приходском совете. В мае 1998 г. она получила российское гражданство. Из уважения к заслугам и принимая во внимание 90-летний юбилей, в декабре 1998 г. патриарх Алексий II наградил М.Д.Шереметеву своей благословенной грамотой.

Эстафету марокканской жизни ныне достойно несет еще одна представительница славного рода, героиня нашего очерка *Прасковья Петровна Шереметева-де Мазьер*, дочь Марины Дмитриевны и Петра Петровича Шереметевых, сестра П.П.Шереметева, о котором мы уже упоминали, родившаяся, как и он, в Марокко.

История жизни Прасковьи Петровны Шереметевой и ее семьи является своеобразным мостом между «первой» и «второй» эмиграционными волнами русских в Северной Африке. Строго говоря, «полноценными» эмигрантами из революционной России были ее родители. Сама она - русская по происхождению, француженка по документам, всю жизнь прожившая в Марокко, - называет себя «маргиналом всех обществ».

Приводимые ниже фрагменты интервью с П.П.Шереметевой, которые она дала автору в Марокко (Рабате и Касабланке) в 2007 и 2009 гг., в Москве в 2010 г., комментарии к ним, а также фрагменты писем к автору - в определенной степени поясняют этот сформулированный ею самою феномен. Пристальное прочтение этих текстов дает новый угол обзора картины мира русской эмиграции в Африке, расцвечивая его новыми красками, дополняя особой остротой и пронизательностью женского взгляда

да как на собственную жизнь, так и на окружающий мир.

Очерк, основанный на перечисленных материалах, распался на несколько подразделов, каждый из которых связан (насколько это оказалось возможным в повествовательной логике самой Прасковьи Петровны) с определенным периодом ее жизни, а также социальным опытом ее ближайшего окружения - семьи, друзей, соседей, родственников. И здесь ее авторское «я» осмысливает себя как непрременную часть рода, семьи.

Эти устные свидетельства можно рассматривать как часть большой творческой работы, посвященной истории русских в Марокко, которая задумана и в данный момент реализуется самой П.П.Шереметевой.

В цитируемых текстах сохранена языковая стилистика нашей информантки, не всегда привычная современному слуху, но вносящая неповторимые штрихи к ее портрету.

Отец и Мать (из интервью 2009 г.):

«Каким образом они приспособились к новой жизни, к новому миру - это какое-то чудо! Мать, вероятно, лучше, чем отец, потому что в ее семье все говорили свободно по-французски, а Шереметевы так себе. Они (Шереметевы. - Н.К.) жили в Москве до

В доме Прасковьи Петровны Шереметевой. Автор очерка и ее героиня (справа). Рабат, весна 2009 г.

1924 г., и вход в учебные учреждения им уже не давали. Так что они учились, как могли: кто-то давал им уроки по математике, кто-то по-другому предмету, бабушка по-французски... сколько хватало времени, поскольку надо было еще вдобавок зарабатывать на хлеб насущный.

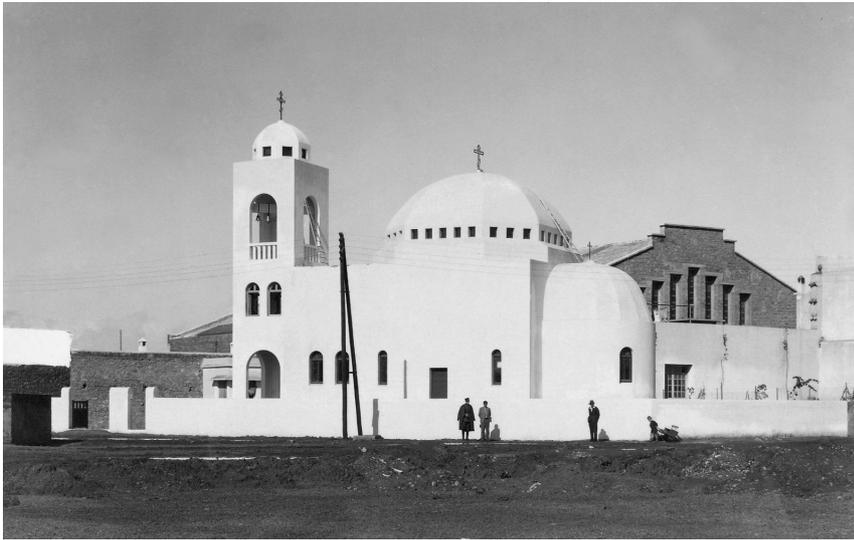
Печально, что уже некогда спрашивать о том, как они жили. В России я тетку, Елену Петровну (родная сестра Петра Петровича-старшего, никогда не покидавшая Россию), когда-то спрашивала: как вы жили, на каких деньгах? Она говорит: пока дедушка жил, деньги были в банке... А потом? Никто не знает. А Мейендорфы (семья бабушки, Шереметевой Елены Богдановны) никогда не были «богатые»,

Кенитра (Марокко), 1932 г. В день свадьбы Ирины Дмитриевны Лёвшиной и Николая Николаевича Сомова (Котика). Слева направо: С.Н.Шидловский, Н.Д.Шидловская, М.Д.Шереметева, П.П.Шереметев, И.Д.Сомова, Н.Н.Сомов (Котик).

тем более, если их сравнивать с Шереметевыми. У них было имение в Эстонии, где они кур разводили. В Петербургском альманахе от 1912 г. есть реклама: «Куры, яйца и цыплята баронов Мейендорф».

Мой отец всю жизнь мечтал о том, чтобы иметь кусочек земли, что-то там на нем выращивать. После бакалавриата он поступил в школу по сельскому хозяйству. Может быть, была подсознательная идея, что они когда-то вернуться в Россию и что надо было к этому готовиться? Это возможно. Школа повезла своих студентов в Марокко в 1929 г. В Кенитре он уже застал Надежду Дмитриевну Шидловскую, его будущую belle-soeur (свояченицу) и увидел возможность в Марокко обосноваться. В Париже или в Кламаре, пригороде Парижа, где тогда жило очень много родственников, было много разводов, нелепых браков, так что отец называл его, не без юмора, «деревней греха», где он жить не хотел.

Было начало протектората⁶. Французы были в большинстве, и они имели власть. Будучи европейцем, он бы мог себе найти место... Как многие русские, он так

Легионер перед церковью Воскресения в Рабате. 30-е гг. XX в.

никогда и не принял французское подданство.

Жизнь родителей была исключительно трудная: один сын умер, потом дочь. Мать годами тяжело болела. Денег не было. Отец плохо зарабатывал, и они вообще не умели справляться с деньгами. Их никто никогда этому не учил. Его работа - продажа сельскохозяйственной техники - была ему не по душе. Матери работать по своей специальности тоже не было возможности, хотя бы потому, что сразу появились дети, а также по неимению гражданства. Надо к этому прибавить, что им обоим тогда было всего 23 года!..

С французами мы, ясно, жили близко, ходили в школу, потом в лицей. Главное, нас не только учили на французском языке, но и по-французски... Наши друзья были, естественно, французы, мы вместе ходили к скаутам, позднее - на вечеринки. Но мы все-таки знали, что «мы» - не совсем как «они». В Рабате не было «четверговой школы», как в Касабланке¹.

Мы жили - теперь, с годами, это мне стало яснее - в каком-то вечном противоречии и до какой-то степени в раздвоении: с одной стороны, далекая, почти мифическая Россия, которая все больше и больше уходила в нереальность; с другой стороны - французский прагматический, логичный мир, к которому, собственно говоря, ничто нас не приготавливало.

К этой картине надо еще добавить арабское окружение, которое хотя мало значило (у моих родителей интеллигентных арабских знакомых не было, я просто думаю, что им негде было таких людей встречать), но все же это окружение имело свое влияние на наше развитие, нашу чувствительность, наше мирозерцание. Живя в колониальной системе и из-за этого не чувствуя, к сожалению, нужды изучать арабский язык (марокканцы должны были изучать французский язык), мы, как все тогдашние европейцы, в некоторой мере игнорировали окружающий нас мир. Была прислуга, были клиенты моего отца, которые нас приглашали на сверхестественно богатые пиры. Ездили на праздники «диафа» (приемы) в деревни, где под шатром, сидя на коврах, облокотившись на подушки..., будучи уже в полном изнеможении от избытка вкуснейшей еды, пили горячий и сладчайший мятный чай, тогда как деревенские люди - мужчины в белых джеджабах, женщины в пестрых кафтанах - танцевали под звуки флейты и барабанов...

Соседи, сослуживцы, знакомые приносили на мусульманские праздники подарки и угощения с той необыкновенной щедростью, которая свойственна восточным людям. И так мы пропитывались и этой культурой. Родители, хотя не старались нас к ней привлечь - и без того было трудно поддерживать все русское - но и не отталкивали. Не позволяли никакого надменного к марокканцам

отношения... Отец выучил арабский язык по необходимости, а мать принялась его учить, как только попала в Марокко, так что она совсем прилично на нем говорила. Она на старости лет - ей было тогда больше 70-ти - принялась учиться читать и писать, на классическом арабском языке...

Так мы и жили: русские в Северной Африке, в арабской стране, пропитанной французской культурой, поддерживая значительную частицу русскости, русского быта, духа. Но мы уже были не те, и, как все эмигранты, откуда бы они ни взялись, где бы они ни жили, мы менялись. Как-то раз моя мать мне сказала: «*we are alien*» - то есть, мы другие, «сверхнациональные», не принадлежавшие ни к какой определенной культуре, ни к какому определенному обществу. И при этом испытывавшие все положительные, так же как и отрицательные моменты этого состояния, определенную способность ко всему приспособляться, чувствовать себя везде «дома», знакомиться с разными мирами, разными мировоззрениями. Имея возможность понимать эти миры «изнутри», быть некими посредниками. Но в то же время испытывая чувство определенного одиночества.

Из письма Прасковьи Петровны Шереметевой автору от 30 декабря 2007 г.⁸:

«Мне кажется, что я недостаточно рассказала о моих родителях, о нашей матери. Насколько она была храбрый человек. Точнее, насколько она заставляла себя быть храброй. Она всегда говорила: «Не надо поддаваться страху. Страх отнимает силы»...

Она всю жизнь работала: преподавала английский язык в разных школах, днями и ночами копела над очень трудными научными переводами с русского, с английского, в особенности по педологии⁹ (когда прихлынула «вторая волна» эмигрантов, среди них оказались ученые (такие, как педолог Кавалеридзе), которые, работая по специальности в Марокко, но совершенно не зная французского языка, нуждались в переводе, чтобы публиковать свои научные труды. Но главным делом ее жиз-

ни была работа над голосом. В 50 лет она изобрела методику для постановки голоса и ее применения к лечению душевно больных. (Она тогда работала с докторами в психиатрическом госпитале в Рабате.) Она была прекрасной педагог и умела найти способ привлечь внимание своих пациентов: аутистов или просто детей со школьными трудностями, как, например, дислексии¹⁰, и вообще со всякими нарушениями равновесия. Это были французы, американцы, арабы. И с каждым она занималась на своем языке, приспособивая работу к каждому. Она была пионером в своей области: теперь это стало как-то банально говорить о важности голоса как инструмента для выражения личности, но тогда мало кто об этом говорил и этим интересовался.

В 1980 г., когда ей уже было 72 года, она решила, что в Марокко для нее нет «будущего», что никогда не будет возможности распространить свой метод. И она решила уехать в США, куда перед этим вернулась жить одна из ее бывших пациенток, сына которой она спасла от постоянных школьных неудач, после чего он прекрасно учился, сдавал экзамены и вообще переменялся фундаментально. Она обосновалась в Вашингтоне, наняла квартиру и рояль и стала давать свои уроки. Ученики толпились, врачи спешили ее работой интересовались. Это был очень счастливый момент маминой жизни. Она забыла о своем возрасте (вопрос о котором, кстати, ее никогда особенно не беспокоил). И одному моему молодому другу - знакомому, в семье которого мы с ней ужинали, на вопрос: «Марина, что вас привело в США?» - она, повернувшись к нему с очень гордым движением головы, сказала: «Честолюбие...»

Из интервью 2009 г.:

«Моя мать жила большую часть своей жизни и скончалась в квартире в Рабате, в которой они жили с 1940 г., когда им пришлось бросить прелестный наемный двухэтажный домик, в котором они больше не могли жить по причине ее здоровья (там была лестница, которая ей была не по силам). Это была хороших размеров,

но скромная квартира с высокими потолками и садиком в доме, который стал еще скромней, когда после независимости все французы из него уехали и были постепенно заменены марокканцами, которые отказывались наотрез принимать какое-либо участие в текущем ремонте общих частей. Она осталась в ней жить просто по привычке. Впрочем, она мало обращала внимания на внешнюю, окружающую обстановку. А когда к концу своей жизни, вернувшись после 17-летнего отсутствия, она совершенно ослепла, ей было просто приятно узнавать почти ощутую все углы столь знакомого места».

Из письма Прасковьи Петровны Шереметевой автору от 27 декабря 2007 г.¹¹:

«О нашем отце следует тоже рассказать побольше. Он был удивительно благородный человек, со всеми одинаково простой и непосредственный. Я помню, как, идя на прием в испанское посольство, он, встретив у дверей какого-то ему знакомого прислуживающего официанта, долго с ним о чем-то рассуждал, тогда как посол его терпеливо ждал. Я-то была буквально «на углях» (мне тогда было 18 лет), а ему какое дело: знакомый и всё! А то, что была какая-то разница в сословиях, не играло для него никакой роли...»

Из интервью 2007 г.:

«Когда мне было 15 лет, он мне как-то сказал: «Никто не был произведенным на свет, чтобы тебя обслуживать». В колониальном Марокко это являлось для меня настоящим наставлением. А о том, что это исходило от человека, семья которого веками «царила» над тысячами людей, можно сказать, что это был удивительный пример.

О революции он - по словам моей матери - говорил, что хотя и глубоко сокрушался о трагической судьбе русского народа, с горечью переживая крушение всего того, что было основой России, он, тем не менее, считал, что ему лично она (революция. - Н.К.) дала неожиданную возможность жить как обыкновенному человеку. И что это было большое преимущество.

Он очень страдал от грубости и некультурности людей мещанского типа, с которыми его профессия заставляла работать и ежедневно встречаться, и наслаждался компанией простых рабочих, механиков, например, тех, которые с ним ездили для проверки материала. Он не раз после работы привозил их домой, угощал ужином и слушал их очень простые, но откровенные размышления о людях, о работе, о жизни.

Мои родители, хотя очень разные по характеру, находили определенную платформу соединения в музыке. У нас у всех были хорошие голоса, но у мамы он был прелестный, она должна была петь! Когда она была медсестрой, она в то же время училась пению, и ее профессор обещал ей карьеру. У отца был хороший тенор, а главное, совершенный слух. Он играл с детства на виолончели, на рояле. Учился в Москве в школе Гнесиных в одном классе с Хачатуряном. Уже в Марокко граф Михаил Львович Толстой его научил играть на гитаре. В 40-х гг. отец создал хор, который выступал регулярно. Помню, что один концерт в эти годы вышел в эфир. Хор был составлен русскими, которые пели в церковном хоре, и французами-любителями. Он сочинял, писал романсы (слова и музыку).

Несмотря на его слабости (как многие Шереметевы, он любил выпить, что без сомнения, укоротило его жизнь), он имел какую-то внутреннюю мудрость, за что его очень уважали и часто приходили к нему за дружеским советом.

Когда его не стало, ему еще не минуло 63 лет».

Об идентификации и самоидентификации (из интервью 2009 г. и беседы в Москве в 2010 г.):

«Много русских покинули Марокко после обретения независимости в 1956 г. Моя семья осталась, потому что в сущности некуда было ехать. Для моего отца, после того как кончился протекторат, стало лучше в смысле работы. Он стал иностранец, как все остальные европейцы, включая и самих французов. Он нико-

да не принял никакого гражданства!.. Он всегда себя чувствовал настолько русским человеком, что не мог принимать гражданство только для того, чтобы иметь какие-то материальные преимущества: прочный паспорт, возможность ездить за границу и так далее...

На вопрос, готова ли я сама принять российское гражданство,

Это, скорее, культурная память, этот чудный язык, в который я влюблена и который я, слава Богу, еще сохранила... Я стала говорить безло, свободно, легко в 1988 г., когда мне было уже 54 года, когда я поехала в Россию и прожила там 2 месяца в исключительно русской среде. Тогда, когда сами сны стали происходить по-русски...

Сейчас де-юре я француженка.

В первом доме Дезобри. Рабат, 30-е гг. XX в. Слева направо: Петр Шереметев, генерал-майор Д.Ф. Лёвшин, Н.Д. Шидловская, М.Д. Шереметева; стоят - А.И. Бяльницкий-Бирюла (химик, адъютант адмирала М.А. Беренса, в Марокко с 1921 г.), перед ним сидит В.Л. Дезобри, урожденная Лихачева, Иван Садиков, Муся Садикова (урожденная Лермонтова, сирота, воспитывалась у О.М. Лерхе, первым браком - Дезобри), С.Н. Шидловский, М.В. Дезобри.

отвечаю: «Не знаю...». Я уже один раз приняла одно гражданство и этим перешла из одного состояния в другое. Для чего менять? Это так же, как менять религию...

Вы спрашиваете, кто я такая? Родившись в арабской стране, в русской семье, с французским воспитанием, я - кто? Скажем: всё это вместе! Когда я была в России, мой двоюродный брат, Илларион Голицын, мне говорил: «Значит, у тебя раздвоение личности». Я тогда ответила: «Да какое там раздвоение - расстройство!» Потому что в какой-то мере, да, я русская; я чувствую очень близкое отношение к русским.

Но я была беспаспортная до того, пока не вышла замуж. Мой муж - француз, семья которого живет в Марокко с 1912 г. Его отец родился в Турции, а дедушка со стороны матери - в Монтевидео (Уругвай), так что там тоже некая суфра-национальность. Его дед, де Мазьер, работал в Крыму, строил железные дороги, и у него один сын умер и похоронен в Мелитополе. Странные скрещивания судеб...»

О своем образовании (из интервью 2007 г.):

«Я не получила высшего образования. Средства нашего отца не позволяли ему содержать двух детей за границами Марокко (учиться надо было тогда во Франции, в Марокко не было высших учебных заведений). Важно было послать сына, который должен был готовиться к тому, чтобы содержать семью, тогда как я не только могла, но должна была рассчитывать на своего будущего мужа. Таковы были тогдашние понятия...»

Я хотела изучать языки, стать переводчиком и тоже меч-

тала о театре. Так я посидела годик на юридическом факультете, а потом поступила работать... секретарем самого мелкого чина. Но я хотя бы хорошо научилась административной работе, что оказалось, много позже, очень полезным. Я поступила в университет, когда была уже замужем, в Алжире, где мой муж отбывал воинскую повинность и где я жила в 1958-1959 гг.

Исчезновение протектората сказалося на жизни семьи тем, что для отца стало легче в плане работы, материальные условия переменились, он смог завести машину, путешествовать. А мы с мужем уехали из Марокко в День независимости, на следующий день после свадьбы. Жили сперва в Париже, потом в Алжире, и самое удивительное для меня было то, что я уехала из одной страны, а когда вернулась через несколько месяцев, она была совершенно другая! Вдруг мы задумались: где же были арабы? Потому что раньше в центре города мы видели почти только французов и редких арабов. Я даже спрашивала одну мою подругу, марокканку, ну, где же вы были? Оказывается, это был намеренный политический бойкот колониального города.

Чувствовала ли я себя неудобно? К сожалению, нет. Почему, к сожалению? Нам европейцам даже в голову не приходило. У нас не было никакой политической сознательности... Еще вдобавок мы не были французы... мы были маргиналы всех обществ. А когда вернулись жить в Марокко (1959 г.), тогда стали встречать и завели знакомства с интеллигентными марокканцами, с которыми мы многое разделяли. Мы с ними работали, развлекались, путешествовали по Марокко. Тогда всё стало совсем нормально».

О «второй» эмиграции (из интервью 2007 г. и беседы в Москве в 2010 г.):

«Начиная мою работу (о русских в Марокко), я мало думала о «второй» эмиграции. Только впоследствии стало совершенно ясно, что не говорить о ней, ограничивать эту работу изучением «первой» волны, было немислимо. Существовал ли жесткий водораздел

между «первой» и «второй» волнами эмиграции? Большинство из них осели в Касабланке, где были заводы, промышленность, что представляло больше возможностей найти работу и прочно устроить свою жизнь. А в Касабланке все представители старой эмиграции им всячески помогали...

Как мне теперь кажется, они были нашей среде чужды, и наши смотрели с интересом, но все же с некоторым опасением на этих представителей *homo sovieticus*. Восхищались их работоспособностью, тем, что у всех было по два ремесла и что они всегда могли каким-то образом развернуться... Это были люди трезвые, без всякой сентиментальности, что понятно после всего того, что они пережили и испытали и в Советском Союзе, и во время войны.

Как мне кажется, конфликт начался с церковного вопроса. Совсем понятно, что люди, которым удалось спастись от советской власти, не хотели слышать о возможности ходить в церковь, завезенную от Москвы. Дело в том, что как раз Рабатский приход голосовал незадолго до этого за переход под юрисдикцию Московской Патриархии. Мои родители были за переход. Их убедил отец Варсонофий. Аргумент был, что надо перейти в лоно русской страдающей церкви. Я знаю, что мой отец тоже не был против, хотя он был глубоко антисоветский. Надо заметить, что советское правительство всячески старалось привлечь к себе эмиграцию. А после того, как большинство приняло это решение, они обнаружили, что у о. Варсонофия советский паспорт! Для моего отца это было ударом. У него было чувство, что он их подвел. И тут он сам отказался окончательно от обворожительных советских предложений.

Я нашла анонимные письма в бумагах моей семьи, где мою мать называют «большевичкой Шереметевой». А ее сестра и ее муж были категорически против перехода. Но нужно сказать, что я никогда не замечала какие-либо следы этой борьбы в нашей семейной жизни...

Мы - я и моя мать - ходили к «анастасьевцам»¹², хотя бы по-

тому, что их церковь находилась в подвале дома, в котором мы жили, то есть просто за углом... Она ходила на службы, которые она так любила и так хорошо знала, а политика в этом не имела никакого дела. Так же, как раса, иноверие и т.д. Я помню, что она как-то раз в церкви в Париже, на рю Петель, подала поминальную записочку за здоровье какого-то Абдаллы или Мохаммеда, который болел и за которого она хотела молиться. Ее спрашивают: «Он крещеный?» - «Конечно, нет!» - «Значит, мы не можем за него молиться». - «Как так: человек как человек, болен, и я хочу за него молиться. И всё». Ей отказали, а она мне это рассказывает, говорит, вот какие дураки...»

О русских друзьях и родных (своих и родителей) в Марокко (из интервью 2007 и 2009 гг.):

«Да, друзья были. Мы дружили с мальчиками Игнатъевыми. Отец их был архитектор. Моя подруга детства была Ольга Алексеева, внучка К.С.Станиславского и правнучка Льва Толстого. Вообще детей было мало. А «стариков» - носителей традиций фактически не было, кроме князя Долгорукого и графа Толстого, которые скоро умерли после войны. Эту уникальную ситуацию я очень сильно ощутила, когда попала в Россию и поняла, насколько

Марокко, 40-е гг. XX в. Сидит: Отец Николай Шкарин - диакон, стоят (слева направо): П.П.Шереметев, Е.А.Игнатъева, урожденная Балашова, В.А.Игнатъев (архитектор), М.Д.Шереметева, урожденная Лёвшина, Н.Н.Меншиков (знаменитый геолог, обнаружил нефть в Сахаре), Е.С.Меньшикова, урожденная Серикова, врач.

это значимо - деды и бабушки, их влияние на развитие детей и на их жизнь... А мы жили без бабушек и дедушек, и все вокруг нас, кроме нескольких нянь, были молодые...

Мои родители дружили и были близки со многими из тех, кто тогда жил в Рабате: Игнатъевы, Глебовы, Толстые, Блукет с женой, Павел Горсткин и Георгий Брысин (я почему-то, в 4 года, наградила его именем «синий дядя»), Гагарины. А в Касабланке Подчертковы, княгиня Урусова, Ирина Берхман, Прохоровы, Балкашин, у которого был такой прекрасный голос. Я знаю, что отец также дружил с Дмитрием Ватадзе, которого я, кажется, никогда не видела. Он был женат на красавице марокканке. А в Танжере - с Сергеем Булацелем, стихи которого я нашла в бумагах отца. В Марракеше - с Воликом Штенгелем, с которым он разделял общую любовь к музыке.

В Кенитре помимо близкой семьи - Шидловские, Борис Петрович Шереметев - жили Комаров (Федор Николаевич)¹³, Фрайман

(Евгений?), Гофман (Сергей Анатольевич), которых родители часто встречали. Это были моряки, прибывшие из Бизерты по приглашению французского правительства, чтобы создавать гавань в Кенитре. Но как мне кажется, самые близкие для них, и особенно для матери, были Меньшиковы - Николай и Катя, урожденная Серикова. Он был блестящий геолог. О нем знает весь мир. Она - врач. Война их застала в Алжире и не позволила вернуться в Париж. Они стали приезжать в Марокко, и потом просто переехали жить в Рабат. Оба они были красивые, элегантные, очень образованные и с большим юмором. Они своей интеллигентностью приносили моей матери все то, чего ей не хватало в ее обыкновенной марокканской жизни. А Катя ее фактически спасла от верной смерти, когда после смерти моей сестры в 1939 г. мама тяжело заболела. Что ей не помешало дожить до 93 лет с «плохим, но железным здоровьем».

О своем нынешнем отношении к церковной жизни (из интервью 2009 г.):

«Мы имели счастье знать очень достойных и глубоко верующих священников, и были окружены искренне верующими людьми. Я совершенно не так религиозна, как мать. Она много ожидала от

религии, которая ей явно помогла жить. У нее было два корня: глубокая вера и огромная работоспособность.

Теперь я очень редко хожу в церковь в Рабате. Мне там как-то стало очень тяжело, она стала уродливая, все красивые иконы того времени (после описания их Колупаевым¹⁴) куда-то исчезли, и их заменили ничтожные бумажные изображения. Хора нет. Когда я в Париже, например, на рю Петель, куда ходила мать, или на рю Дарю, где так чудно поют, - я соединяюсь с родителями и родственниками, я душевно с ними стою, они со мной. А в Рабатской церкви они как-то удалились».

П.П.Шереметева (о своей Галерее современного искусства «L'Atelier» в Рабате):

«Многие знают до сих пор, что была в продолжение 20 лет эта галерея. Она не приносила дохода, скорее, была убыточной. В основном, выставлялись работы марокканских художников-абстракционистов. Но также с Ближнего Востока, Алжира, Туниса, Египта, Сирии, Италии и т.д. Это было место сближения между людьми и культурами, другого тогда не было. Хотя бы потому, что марокканское правительство вовсе не интересовалось культурой: за эти 20 лет галерея провела 79 выставок и показала произведения

96 мастеров (художников, скульпторов, фотографов, архитекторов) без спонсоров и без грантов. А в 1991 г., в последний год ее существования, мы смогли повезти трех художников в Париж, на большую выставку в Гран-Пале. Я любила эту работу, и рада, что я внесла что-то в общественную и культурную жизнь страны, в которой я родилась и живу. Ведь это всегда было шереметевское дело».

* * *

Осенью 2008 г. в Бизерте состоялась первая (и последняя) встреча двух именитых «русских африканок» - Анастасии Александровны Манштейн-Ширинской и Прасковьи Петровны Шереметевой. Последняя приехала в Бизерту из Рабата, чтобы поздравить А.А.Ширинскую с 96-м днем ее рождения. Об Анастасии Александровне Прасковья Петровна, разумеется, слышала, читала ее книгу «Бизерта. Последняя стоянка». Однако встретились они впервые.

Русские женщины Африки, первая из которых прожила здесь с детства до весьма преклонных лет, а вторая родилась и поныне продолжает жить в Африке. И разговаривали они много и о разном - от личных семейных историй до проблем современной жизни и своем в ней месте...

¹ Подробнее см.: Шереметевы. Ч. 2. Графы Шереметевы. Генеалогия и портреты. М., 2000; Шереметевы. Часть 3. Дворяне Шереметевы. Генеалогия и портреты. М., 2001; Советская историческая энциклопедия. 1976. Т. 16, с. 256; Биографический словарь. СПб., 1911. Т. 23, с. 185-186; Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова [Б.П.Шереметев, П.А.Толстой, А.В.Макаров]. М., 1994; Шереметевы в судьбе России: Воспоминания. Дневники. Письма. М., 2001.

² Халиков А.Х. 500 русских фамилий булгаро-татарского происхождения. Казань, 1992. См. также: Русский биографический словарь. Т. 23. СПб.; Имп. ист. об-во 1911, с. 107-136; Шереметевы в судьбе России: Воспоминания. Дневники. Письма (Авт.-сост. Л.И.Алексеева, М.Д.Ковалева). М., 2001.

³ Горохов Д. Граф Шереметев: Из нашего рода почти никого не осталось // Эхо планеты. 2009. № 13.

⁴ Елизарова Н.А. Театры Шереметевых. М., 1944; Маринчик П.Ф. Недопетая песня. М.-Л., 1965; Лотман Ю.М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века. См.: Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. Таллин, 1992, с. 249; Старикова Л.М. Театральная жизнь старинной Москвы. М., 1989, с. 298.

⁵ Подробнее см.: Рещетников Л. Русский Лемнос. М., 2009.

⁶ В 1912 г. в Марокко был подписан Фесский договор, предусматривавший превращение Марокко во французский протекторат. В 1955 г. Мухаммед V вернулся на родину, королевский двор превратился в центр национально-освободительного движения. Весной 1956 г. Марокко обрело независимость.

⁷ Созданная в Рабате (по аналогии с французской, организованной сестричеством), работающая по четвергам церковноприходская

школа. Здесь детей обучали Закону Божию, русскому языку, географии и истории России. Подробнее см.: Путь моей жизни. Воспоминания Митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т.Манухиной. М., 1994. Гл. 21.

⁸ Из личного архива автора.

⁹ Педагогика (от греч. - дитя и наука) - направление в науке, ставшее целью объединить подходы различных наук (медицины, биологии, психологии, педагогики) к развитию ребенка.

¹⁰ Дислексия - вид специфического нарушения обучения, имеющий неврологическую природу. Она характеризуется неспособностью быстро и правильно распознавать слова, осуществлять декодирование, осваивать навыки правописания. Эти затруднения связаны с неполноценностью фонологических компонентов языка. Они существуют несмотря на сохранность других когнитивных способностей и полноценные условия обучения.

¹¹ Из личного архива автора.

¹² Анастасьевцы - название представителей Русской Православной Церкви Зарубежом (РПЦЗ), по имени своего первоиерарха с 1936 г. - митр. Анастасия (Грибановского).

¹³ «Комаров, офицер очень высокого чина, он работал инженером в Кенитре, он, в сущности, создал, спроектировал порт в местной гавани» (Комментарий П.П. Шереметевой).

¹⁴ Прасковья Петровна имеет в виду Колупаева Владимира Евгеньевича, в прошлом игумена Ростислава (Колупаева), в 1997-1999 гг. он был настоятелем Воскресенского храма в г. Рабате. Автор книги «Русские в Магрибе. История русских общин в Африке в XX веке». М., 2009.